ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIONS IN MILITARY-PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE OFFICER OF LAND FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

V. Bikbaev

Summary. The article is devoted to the study of some issues of foreign language communications in the context of professional development of the officer, as well as the main trends in the development of foreign language communications in the framework of the paradigm approach. It is noted that these processes are due to the processes of globalization of military Affairs, the result of which is the interaction of national military organizations and cooperation, involving the widespread use of Armed Forces for the realization of national interests.

Keywords: foreign language communication, globalization of military Affairs, national interests.

Бикбаев Вадим Манцурович
К.полит.н., доцент, Новосибирское высшее военное командное училище
vadim_bikbaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов исследования иноязычных коммуникаций в контексте профессионального становления офицера, а также основных трендов развития иноязычных коммуникаций в рамках парадигмального подхода. Отмечается, что данные процессы обусловлены процессами глобализации военного дела, результатом которой является взаимодействие национальных военных организаций и сотрудничество, предполагающее широкое использование Вооруженных Сил для реализации национальных интересов.

Ключевые слова: иноязычная коммуникация, глобализация военного дела, национальные интересы.

Актуальность и проблематика изучения иноязычных коммуникаций в контексте всестороннего парадигмального процесса профессионального становления офицера обусловлена ролью и значением иностранного языка не только в профессиональном военном образовании, но и в военно-профессиональной деятельности. Парадигмальный уровень изменений задается процессами глобализации военного дела, которые существенно меняют ее ведущие характеристики.

Изменение парадигмы военного дела, на наш взгляд, обеспечено не столько техническими и технологическими революциями, сколько самой целью войны. Формирование новой парадигмы военного дела обусловлено трансформацией войны — «… генезисом и распространением ее новых форм, связанных как с расширением круга субъектов войны, появлением их различных «комбинаций», так и с изменением в соотношении вооруженных и невооруженных средств насилия, используемых субъектами войны для достижения своих политических целей» [27, с. 10]. Следует отметить, что военное дело является сферой деятельности человека, которая наиболее восприимчива к самому процессу глобализации. Как отмечает в этой связи А. В. Нефедьев, несмотря на стремление сохранить самобытные национальные военные модели, глобализация уже давно переформировалось в новое измерение военно-профессиональной деятельности, поскольку влияет на безопасность Российской Федерации в экономической, политической, социальной, экономической, духовной, информационной и собственно военной сферах (А. В. Нефедьев [15]).

На наш взгляд, в процессе глобализации наиболее наглядно проявились следующие модели:

- жесткая модель стандартизации, когда стандарты и подходы являются условием принятия не в полной мере самодостаточных в военном отношении государств в военно-политические блоки. В частности, руководство вновь принятых в НАТО государств безоговорочно принимают американские стандарты;
- инерционная модель стандартизации, в которой единые или сходные стандарты образованы общим историческим путем военного строительства. С использованием такой модели сохраняют общие стандарты военного строительства многие бывшие республики СССР, и, прежде всего, страны — участники ОДКБ. Единые советские

стандарты военного строительства были национализированы, а, кроме того, в силу военно-экономического потенциала каждого из государств, среди союзников они получили различное развитие. Иноязычные коммуникации остаются одним из средств сохранения общего военно-политического пространства;

- гибкая модель стандартизации, где схожие стандарты образуются творческим освоением, копированием и адаптацией чужого опыта (чаще всего — опыта боевых действий), одним из средств которого выступает иноязычная коммуникация;
- ситуативная модель, при которой сближение стандартов необходимо для совместной деятельности. Иноязычные коммуникация в такой модели выступают средством взаимодействия. Здесь, однако, должен быть учтен эффект локализации глобальных языков на национальной и этнокультурной почве [16]. Свидетельством этого являются события в Афганистане, Ираке и Сирийской Арабской Республике.

Взаимодействие национальных военных организаций между собой — атрибутивная черта и результат глобализации в военном деле. Основные виды взаимодействия субъектов глобализации — сотрудничество, конкуренция и экспансия — предполагают широкое использование Вооруженных Сил для удовлетворения национальных интересов. Отечественные [9; 19] и зарубежные [28, p. 280–302; 29, p. 262–269; 31, p. 523–528] ученые сходятся в том, что в условиях глобализации меняются модели профессиональных языковых коммуникаций, соответственно, языковые модели профессионала. А. А. Пискарева [20], например, утверждает, что следствием глобализации становится, в большей степени, не унификация профессионального языка, а, напротив, развитие многоязычия. При этом автор подчеркивает, что в сложных видах международного взаимодействия необходим язык-посредник, не допускающий неточностей и двусмысленного толкования. Глобализация и поликультурное общество, по А. А. Пискаревой, вызывает необходимость не только двуязычия (родной язык, язык-посредник (английский)), но в ряде случаев триязычия (еще и язык коммуниканта, территории, театра). Е. Л. Кабахидзе, в свою очередь, указывает, что «… для эффективной коммуникации в условиях глобализации необходимо не только владеть иностранным языком, но совмещать в сознании национальные языковые картины мира» [9, с. 12]. Следует отметить, что у исследователя ключевым условием эффективной коммуникации выступает не словарный запас, а само понимание, т.е. определенное свойство человеческого бытия и способность человека преодолевать лингвистические барьеры. На наш взгляд, возможно, что понимание и есть ключевой критерий в определении уровня иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск. В отношении три- и даже более язычных моделей коммуникации мы вполне согласны с авторами. Новейший опыт ведения войны в условиях глобализации — действия Вооруженных Сил Российской Федерации в поддержку правительственных войск Сирийской Арабской Республики в борьбе с международными террористическими организациями — есть яркое проявление триязычной модели коммуникации (русский, английский, арабский (или персидский)). Итак, наше обращение к проблеме иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск происходит в период смены парадигм военного дела, перехода от классической парадигмы, основные положения которой сформулированы еще К. Ф. Клаузевицем [12], к новой, «неклассической» парадигме. Основной фактор перехода — глобализационные процессы. В новой парадигме война — уже не противостояние государства с использованием средств вооруженной борьбы, это, скорее, асинхронное и асимметричное противоборство (далеко не только вооруженное) государственных субъектов с точечным применением военной силы.

С одной стороны, коммуникации (в т.ч. иноязычные) в новой войне — средство воздействия на противника, в военно-профессиональной деятельности офицера, не менее важное, чем оружие и военная техника. Вторая сторона (из очень многих в формирующейся неклассической парадигме) — значение человека. В современной войне действия одного единственного профессионала по своим последствиям вполне может быть равно действию ударного комплекса. Кроме того, как показывает опыт последних лет, ни техническое, ни численное превосходство не являются решающим фактором победы в современной войне.

Коммуникации как компетенция не избранных (в российской традиции — специальная лингвистическая подготовка и отдельная специальность офицера — военного переводчика), а каждого военного специалиста становятся инновацией в компетентностной модели офицера Сухопутных войск.

На следующем, методологическом (стратегическом, доктринальном) уровне значение иноязычных коммуникаций офицера Сухопутных войск становится еще более очевидным, а проблема его языковой подготовки еще более острой. Здесь ведущим фактором изменений следует считать очередную революцию в военном деле, которая служит предметом многочисленных исследований, весьма серьезных, но, по большей части, имеющих футурологический характер. Среди известных нам исследований этого предмета, сошлемся на статью одного из ведущих специалистов центра военно-политических исследований В. В. Каберника «Революции в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего» [10],

где, на наш взгляд, наиболее точно структурированы основные тренды, меняющие форматы современной войны:

- технологические. Автор описывает их как относительно хаотичное и непредсказуемое появление новых технологий (НИОКР в военном деле, использование технологий двойного назначения, ассиметричные технологические решения, стремительное удешевление технологий и появление не менее эффективных «кустарных» аналогов). Проецируя тренды этого вида на профессиональную подготовку офицера Сухопутных войск, следует отметить скорость их возникновения и распространения технологических решений. В.В. Каберник, в частности, подчеркивает, что в ряде случаев, фактором, сдерживающим применение новых технологий в военном деле, является только общеобразовательный уровень и профессиональная подготовка субъектов. Мы также предполагаем, что офицер Сухопутных войск должен быть способен самостоятельно ориентироваться в технологических новинках в режиме реального времени, не ожидая перевода описаний и инструкций на русский язык;
- инновационные. Тренды такого рода, более всего, отражаются в трансформации театров боевых действий, появлении новых форматов воздействия на противника и, соответственно, обороны. Привычные понятия (фронт — тыл, комбатант — некомбатант, противник — союзник и пр.), характеризующие традиционный театр военных действий, постепенно теряют смысл. Новое пространство вооруженного противостояния уже не трехмерно, а в некоторых новых измерениях: космос, кибер, инфосфера и др., оно не имеет территориальных ограничений. Инновационные концепции социетарных, информационных, гибридных, неконтактных и прочих войн рассматривают коммуникации как средство поражения и защиты [13];
- доктринальные. Эти тренды образуют доктрины и концепции войны, претендующие на революционный характер. Как правило, революционные доктрины опираются на инновации в военном деле. Так, на рубеже тысячелетий наиболее яркой и запоминающейся стала доктрина сетецентричной войны, базирующейся на информационных сетях и постоянно действующем информационном обмене в режиме реального времени, ослаблении иерархических цепочек командования и самоорганизации боевых единиц, усилении эффективности действия отдельных единиц и подразделений за счет систем автоматизированного управления [23]. Эту доктрину до сих пор считают едва ли не самым перспективной платформой развития технологий войны. Действия и противодействия подразделений Сухопутных войск в условиях сетецентричной войны напрямую зависят от эффективности систем управления, построенных на коммуникациях, а с учетом того, что театры боевых действий становятся международными,— на иноязычных коммуникациях.

Последнее обстоятельство, а именно международный характер театров военных действий, в контексте проблемы иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск следует, на наш взгляд, выделить особо. Так, в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики принимают участие около 15 иностранных государств, а, кроме того, более 50 надгосударственных, межгосударственных и негосударственных акторов различной национальной, этнической и религиозной принадлежности. Их полноценный учет ввиду динамизма изменений в составе и политических ориентациях практически невозможен.

Международные силы безопасности (ISAF), действующие в Афганистане в рамках операции «Несокрушимая свобода» с 2001 г., насчитывают подразделения из 48 стран мира. Крупнейшие военные операции конца XX — начала XXI гг.: «Буря в пустыне» (Desert Storm) (Ирак, 1991 г.), «Обдуманная сила» (Deliberate Force) (Босния, 1995 г.), «Возрождение надежды» (Restore Hope) и «Продолжение надежды» (Continue hope) (Сомали, 1992 и 1995 г.), «Союзная сила» (Allied Force) (Республика Югославия, 1999 г.) «Объединенный защитник» (Unified Protector) (Ливия, 2011 г.) и другие, являются международными и объединяют десятки стран-участниц. Российская Федерация за своими границами принимала участие исключительно в миротворческих операциях (Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Таджикистан, Босния и Герцеговина, Косово и Метохия, Ангола, Чад, Сьерра-Леоне, Судан и др.), однако, даже эти операции актуализировали проблему иноязычной коммуникации офицера.

Для участия в миротворческих операциях в составе Сухопутных войск Российской Федерации были сформированы различные подразделения, в которых способность военнослужащих к осуществлению иноязычных коммуникаций является одной их ключевых и пока еще не решенных проблем подготовки миротворцев. Одно в настоящее время вполне ясно, что базовая языковая подготовка в военных вузах явно не обеспечивает потребность офицеров — миротворцев в иноязычных коммуникациях. Некоторые мгновенные решения, например, экспресс-курсы, организованные офицерами Военного Университета Министерства обороны Российской Федерации, курсы углубленного изучения языка (по сути — только повышение квалификации), он-лайн

и дистанционные специализированные курсы для миротворцев на наш взгляд — всего лишь неконструктивное и половинчатое решение проблемы.

Проблему иноязычной коммуникации офицера Сухопутных войск и перспективные задачи развития его языковой подготовки следует рассматривать в свете новой Военной Доктрины Российской Федерации. Процитируем одно из ее инновационных положений: «В целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил могут оперативно использоваться за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и федеральным законодательством» [5]. В целом, Военная Доктрина Российской Федерации определяет контуры военной политики государства. По оценкам аналитиков (Ю. Н. Балуевский [2, с. 1–9], В. К. Белозеров [3, с. 98–103]), эта политика будет активной.

Возврат Российской Федерации к активной военной политике — вполне состоявшаяся реальность, в которой уже проявили себя новые задачи Сухопутных войск, предъявляющие высокие требования к иноязычным коммуникациям офицера:

- международные военные операции с участием Вооруженных Сил (Сирийская Арабская Республика);
- международные военные учения в рамках Коллективного договора о безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) («Восток», «Взаимодействие», «Нерушимое братство», «Мирная миссия», «Рубеж» и пр.);
- двусторонние военные учения и военные игры (например, Российско-белорусские учения «Щит Союза», Российско-индийские учения «Индра», Российско-монгольские учения «Селенга» и др.)
- военные учения, маневры, командно-штабные учения и проверки боевой готовности с участием подразделений стран — союзниц («Запад», «Кавказ», «Центр» и др.));
- международные военные игры и соревнования.

Опыт участия военнослужащих Сухопутных войск в новых форматах международного взаимодействия уже сегодня выявил существующие проблемы иноязычной коммуникации:

- прежнего, функционально-патернового знания иностранного языка не хватает для полноценной иноязычной коммуникации. Тематические области коммуникаций выходят за рамки привычной тематики, ориентированной исключительно на выполнение боевых задач;
- потребность в сложных иноязычных коммуникациях, которые ранее относились к стратегическому и оперативному уровням управления войсками, постоянно возникают на тактическом уровне;

Обобщая тренды парадигмальных и доктринальных изменений в военном деле, учитывая новые подходы к применению Вооруженных Сил и активную внешнюю политику Российской Федерации, можно, таким образом, утверждать, что в содержании военно-профессиональной деятельности офицера Сухопутных войск происходят существенные изменения, в том числе и в отношении иноязычных коммуникаций, которые он осуществляет. Важно то, что эти изменения обеспечивают диалектический процесс разработки новых концепций военно-профессионального образования, поскольку актуализируют противоречия между реальностью, перспективой и существующим концепциями, в своем идейном ядре сложившимися после Второй мировой войны.

По своей базовой идее, предлагаемые концепции профессионального военного образования могут быть условно отнесены к одной из четырех стратегий: реставрация, интеграция, революция и модернизация. Стратегии реставрации предполагают творческое переосмысление, а иногда и прямое восстановление концептуальных подходов к подготовке военного специалиста, которые применялись в Советском Союзе. Вторую группу концепций объединяет стратегия интеграции профессионального военного образования в общую систему образования России, придание ему светского характера. Третья стратегия — революции, объединяет концепции, в которых предлагаются радикальные изменения в самой идее и логике профессионального военного образования. Наконец, четвертая стратегия — модернизация профессионального военного образования, суть которой в изменении устаревших концептуальных основ при сохранении идейного ядра, достижений и традиций российской военной школы (И. О. Бакланов [1], В. В. Гладких и Н. В. Волынкина [7], В. В. Полич [20], О. Ю. Тарская [23], В. В. Татарнов и Т. М. Юдин [24], др.). Модернизационные концепции, «сходятся» в том, что современной системе профессионального военного образования необходимы:

- переориентация с опытной основы (опыт Второй мировой войны) на перспективную основу (прогнозируемые модели развития военного дела), интеграция военной науки и образования;
- использование новейших достижений научно-технической революции в военном деле, ориентация на инновационные доктрины, формирование на базе военных вузов инновационной структуры Вооруженных Сил;

- отход от стратегии массового производства к элитарности военного образования, индивидуализация и дифференциация обучения и воспитания будущих офицеров (А. В. Вдовин [4, с. 67–74]), создание пространства между обязательным (соответствие стандартам) и повышенным (соответствие способностям и уровню притязаний) уровнями результатов;
- перенос акцентов с операционального оснащения на личностное развитие, заключающийся в развитии сознания, интеллектуальных и образовательных возможностей будущих офицеров, творческого мышления и самостоятельности, профессионально важных качеств личности, способностей и готовности к самообразованию и саморазвитию;
- усиление гуманитарной составляющей (Н. Н. Чекмарева [25]), повышение роли воспитания (Р. В. Володин, А. Д. Лопуха и Т. Л. Лопуха [6]), реконструкция идеологической составляющей (В. Л. Разгонов [21]) воспитания будущих офицеров.

Нам ясно, что перспективные концепции модернизации профессионального военного образования усиливают его субъектное измерение (а значит и внимание к профессиональному становлению офицера), отходят от стандартизации и усреднения к акмеологическим ориентирам. В отношении иноязычной коммуникации сходны практически все концепции — способность к этому виду деятельности становится одной из ведущих компетенций офицера — выпускника военного вуза. Эта позиция уже аргументирована педагогами — исследователями в отношении офицеров Военно-морского флота [17], военных экономистов [14], офицеров войск Национальной гвардии [11; 18], а в настоящей работе мы постарались аргументировать ее и в отношении офицеров Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации.

Изменение роли и значения иностранного языка является одной из актуальных тенденций развития военно-профессиональной деятельности, позволяющей предположить укрепление прямой связи между профессиональным становлением офицера Вооруженных Сил Российской Федерации и формированием у него способности осуществлять иноязычную коммуникацию. В связи с тем, что военное образование должно быть обращено в ближайшую и среднесрочную перспективы, можно утверждать, что в условиях глобализации роль и значение иноязычных коммуникаций будут определены парадигмальными, методологическими (стратегическими) и концептуальными изменениями в этих двух сферах. В этой связи следует отметить, что приближаемся к критической точке действующей парадигмы — мы являемся свидетелями достаточно противоречивого этапа удачного применения новых концепций к решению прикладных проблем и множественности формирующихся концептуальных моделей ([8, с. 163–169]).

Таким образом, изменение роли и значения иностранного языка является одной из актуальных тенденций развития военно-профессиональной деятельности, позволяющей предположить укрепление прямой связи между профессиональным становлением офицера Вооруженных Сил Российской Федерации и формированием у него способности осуществлять иноязычную коммуникацию. Иноязычные коммуникации при этом становятся одним из основных средств военно-профессиональной деятельности офицера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов, И. О. Развитие теории и практики системы военно-профессионального образования курсантов авиационных вузов: автореф. дис. … док. пед. наук: 20.02.02 / Бакланов Игорь Олегович.— М., 2012.— 40 с.
2. Балуевский, Ю.Н. 2014. Новые смыслы военной доктрины / Ю. Н. Балуевский // Военно-промышленный курьер.— 2014.— № 42 (560).— С. 1–9.
3. Белозеров В. К. Военная Доктрина России: в начале большого пути / В. К. Белозеров // Власть.— 2015.— № 2.— С. 98–103.
4. Вдовин, А. В. Проблема индивидуализации воинского обучения и воспитания в системе высшего и дополнительного профессионального образования и пути ее решения / А. В. Вдовин // Военная мысль.— 2013.— № 1.— С. 67–74.
5. Военная Доктрина Российской Федерации // Российская Газета.— Федеральный выпуск № 6570 (298).— режим доступа: https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения 06.10.2018).
6. Володин, Р.В. и др. Государственно-политическое воспитание курсантов военных вузов: к постановке проблемы профессионального воспитания: монография / Р. В. Володин, А. Д. Лопуха, Т. Л. Лопуха.— Новосибирск: НВВКУ, 2017.— 228 с.
7. Гладких, В.В., Волынкина, Н. В. Синергетика образования военного специалиста: монография / В. В. Гладких, Н. В. Волынкина.— Воронеж: Научная книга, 2015.— 214 с.
8. Ермолаева, О. А. Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода / О. А. Ермолаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.— 2008.— № 1(9).— С. 163–169, С. 165.
9. Кабахидзе, Е. Л. Лингвофилософские аспекты коммуникации в условиях глобализации: автореф. дис. … канд. философ. наук: 09.00.11 / Кабахидзе Екатерина Львовна.— М., 2013.— 26 с., С. 12.

10. Каберник, В. В. Революции в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего [электронный ресурс] / В. В. Каберник // Центр военно-политических исследований.— режим доступа: http://www.eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/analitika/voennopoliticheskaya-voennotehnicheskaya/kibervoyska/globalno/xxi-vek/revolyuciya-voennom (дата обращения 07.10.2018).
11. Калейник, Н. С. Формирование профессиональной компетентности у слушателей вузов МВД России в процессе обучения иностранному языку: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Калейник, Нинель Семеновна.— СПб., 1999.— 156 с.
12. Клаузевиц, К.Ф. О войне / Карл Филипп фон Клаузевиц.— М.: Эксмо, 2013.— 512 с.
13. Кокошин, А. А. Инновационные Вооруженные силы и революция в военном деле: Краткий очерк / А. А. Кокошин.— М.: Ленад, 2009.— 32 с.
14. Кукарцева, Т. А. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности будущих специалистов военно-экономического профиля в иноязычном образовательном процессе: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Кукарцева Татьяна Александровна.— Самара, 2011.— 22 с.
15. Нефедьев, А. В. Глобализация и ее влияние на военную безопасность современной России: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Нефедьев Алексей Викторович.— М., 2012.— 23 с.
16. Одегова, О. В. Лингвокультурная глобализация в современном мире: специфика и социокультурные эффекты: автореф. дис. … канд. философ. наук: 24.00.01 / Одегова Ольга Владимировна.— Томск, 2013.— 23 с.
17. Парахина, О. В. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции будущих инженеров в системе дополнительного профессионального образования военно-морского вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Парахина Олеся Владимировна.— Калининград, 2016.— 24 с.
18. Пестова, Е. В. Формирование ценностного отношения слушателей высших учебных заведений МВД России к изучению иностранного языка: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Пестова, Елена Владимировна.— Барнаул, 1998.— 163 с.
19. Пискарева, А. А. Языковые следствия глобализации: на материале функционирования англицизмов в немецком языке: автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.02.19 / Пискарева Анастасия Александровна.— М., 2014.— 21 с.
20. Полич, В. В. Современное состояние и тенденции развития отечественного военно-профессионального образования: социально-философский анализ: автореф. дис. … канд. философ. наук: 09.00.11 / Полич Виктор Валентинович.— Красноярск, 2018.— 27 с.
21. Разгонов, В. Л. Ценностные ориентиры профессионального воспитания курсантов в учебно-воспитательном процессе военного вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Разгонов Виталий Леонидович.— Барнаул, 2016.— 23 с.
22. Савин, Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию / Л. В. Савин.— М.: Евразийское движение, 2011.— 130 с.
23. Тарская, О. Ю. Модернизация российского военного образования в условиях информационного общества: дис. … док. социолог. наук: 22.00.04 / Тарская Ольга Юрьевна.— Волгоград, 2011.— 327 с.
24. Татарнов, В. В. Перспективы развития современного военного образования: монография / В. В. Татарнов, Т. М. Юдин.— Рязань: РВВДКУ, 2015.— 295 с.
25. Чекмарева, Н.Н. и др. Гуманитарный аспект современного военного образования: коллективная монография / под общей редакцией Н. Н. Чекмаревой.— СПб.: ВВМ, 2018.— 232 с.
26. Штофер, Л. Л. Трансформация войны и ее социальные детерминанты в эпоху глобализации: дис. … канд. философ. наук: 09.00.11 / Штофер Людмила Львовна.— Ростов-на-Дону, 2009.— 180 с., С. 10.
27. Gonga, T., Shuaib, L., Zhangc, M. Modelling language evolution: Examples and predictions / Tao Gonga, Lan Shuaib, Menghan Zhangc // Physics of Life Reviews.— Volume 11, Issue 2, June 2014, Pages 280–302.— https://doi.org/10.1016/j.plrev.2013.11.009.
28. Louhiala-Salminen, L., Kankaanranta, A. Language as an issue in international internal communication: English or local language? If English, what English? / Leena Louhiala-Salminen, Anne Kankaanranta // Public Relations Review.— Volume 38, Issue 2, June 2012, Pages 262–269.— https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2011.12.021.
29. Smith, L. E. English Language, Role in International Communications / Larry E. Smith // Encyclopedia of International Media and Communications.— 2003, Pages 523–528.— https://doi.org/10.1016/B0–12–387670–2/00081–9.

© Бикбаев Вадим Манцурович (vadim_bikbaev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»